

ДВА ИМАНА ИЛИ ИСТРЕБЛЕНИЕ ДОМА АВАРСКОГО

(Историческое повѣствованіе о Кавказѣ).

1.

Такъ вотъ судьба твоихъ сыновъ,
О Римъ, о громкая держава!
Пѣвецъ любви, пѣвецъ боговъ,
Скажи мнѣ, что такое слава?
Могильный гудъ, хвалебный гласъ,
Изъ рода въ роды звукъ бѣгущій...

А. Пушкинъ.

Последній часъ 1831-го года былъ на исходѣ. Наступилъ 1832-й годъ. Отрядъ лѣваго фланга Кавказской линіи былъ расположенъ по тремъ горнымъ ступенямъ, на которыхъ раскинутъ огромный Ауховскій аулъ, такъ называемый *Араксу Аухъ*.

Сакли, покинутыя жителями, служили кровомъ нашимъ войнамъ: по всѣмъ улицамъ лежали замерзшіе трупы туземцевъ; аулъ взятъ на копье: по всѣмъ окрестностямъ, въ кустахъ, скрывался непріятель. Въ продолженіи цѣлаго дня русское войско занималось прибираниемъ убитыхъ и раненыхъ своихъ соотчичей.

Въ 9 часовъ утра, генералы, штабъ и оберъ офицеры стали съѣзжаться къ саклѣ, занятой отряднымъ начальникомъ для поздравленія съ наступившимъ новымъ годомъ. Иные не доѣхали, будучи свалены дорогою съ коней мѣткими пулями скрывавшагося непріятеля: другіе уже на сборномъ мѣстѣ падали отъ вражескихъ выстрѣловъ. Раненыхъ тотчасъ уносили въ полковые лазареты.

Чуденъ былъ нарядъ съѣхавшихся съ поздравительнымъ визитомъ. На сюртукахъ иныхъ видѣлись свѣжіе слѣды крови, у другихъ— пороховой сажи; у нѣкоторыхъ они были истерты и даже изодраны отъ трудныхъ походовъ, либо прожжены у бивуачныхъ огней; эполетъ ни на комъ не было; многіе вмѣсто сапогъ носили безобразную войлочную обувь, которая доказывала, что ноги ихъ пострадали отъ морозовъ во время прокладыванія тропъ по нетоптаннымъ снѣгамъ.

Отворилась дверь отряднаго начальника, и Алексѣй Александровичъ Вельяминовъ вышелъ. Снявъ свою кабардинскую шапку, онъ всемъ поклонился и сказалъ: „Благодарю покорно, господа, и я васъ также поздравляю съ новымъ годомъ! Кто со мною проходитъ этотъ годъ, тотъ вѣкъ меня не забудеть!“ Послѣ того онъ надѣлъ шапку и вошелъ опять въ саклю.

Начались толки между присутствующими.

„Видно они намъ вренъ насъ поводить нынѣшній годъ!“—говорилъ одинъ.

— Э, братъ!—отвѣчалъ бѣлоусый старый капитанъ, служившій уже 90 лѣтъ на Кавказѣ—страшенъ сонъ, милостивъ Богъ! Кашу масломъ не испортишь, а солдата походомъ, давай только вѣрону крови, на то созданы!

„Жены или дѣти у насъ что ли? Волгъ меня зарѣжь!“ воскликнулъ пятидесятилѣтній плѣшивый маіоръ.

— Ну да, все прекрасно!—замѣтилъ одинъ полковой командиръ: „да, больно холодно, пора бы выпить водки.“

„Правда, правда ваша!“—закричали новые голоса. „Мы идемъ къ вамъ выпить водки, у насъ вся вышла.“

— Милости просимъ, господа, сколько можетъ васъ помѣстить моя сакля, прошу пожаловать.—

„Я ручаюсь что у него нѣтъ мѣста и для трехъ“, замѣтилъ насмѣшливо одинъ артиллерійскій полковникъ. „У этого хлѣбосола есть особый даръ находить клѣтку вмѣсто сакли, строить одиночный себѣ балаганъ: а о палаткѣ нечего ужъ и говорить,—чудо, какъ онъ въ нее влѣзаетъ.“

— Ну да, да, господа! Я держусь пословицъ: скупость не глупость: въ походѣ хлѣбъ соль пополамъ, а табачокъ и водочка врозь.

„Хорошо вамъ шутить, господа!“ замѣтилъ другой, высокій, рѣдковолоосый, женатый полковой командиръ: „а право пора на линію, хотя бы на нѣсколько дней, люди совсѣмъ оборвались, босые, провизіи истощены, даже сухарей остается очень мало.“

— А дѣло-то въ томъ—прибавилъ казачій полковникъ, курляндскій уроженецъ—что у нѣкоторыхъ жены на линіи скучаютъ.

„Полно шутить, старый гусаръ“, отвѣчалъ женатый полковникъ: „не объ женахъ идетъ рѣчь, а о солдатахъ.“

— Все пустое!—возразилъ Курлянецъ—въ чемъ бѣдны люди? Можетъ ли положеніе быть хуже линейнаго казака: вѣчно на конѣ, бурка ему и кровь, и палатка, и шуба. А спросите моихъ орловъ, они скажутъ вамъ, что нѣтъ жизни лучше походной, мяса вкуснѣе отбитой баранты.

„Ну такъ!“ сказалъ скупой командиръ полка: „гусару легко плакать надъ положеніемъ своего казака; а посмотрите-ка на пѣхотнаго солдата, хоть, на примѣръ, на часоваго отряднаго начальника, жалость да и только!“

Всѣ обратились къ указываемому солдату, на головѣ котораго была полусгорѣвшая кабардинская мохнатая шапка, а на амуниціи накинута въ видѣ бурки старый, изодранный коверъ, отнятый у непріятеля; два войлочные мѣшка съ дырками, подвязанные сыромятными ремнями, составляли обувь этого продрогшаго часового. Онъ ходилъ съжившись взадъ и впередъ очень шибко, дабы быстротою движенія сохранить должную теплоту въ замерзающихъ членахъ.

Всѣ молчали, одинъ толстый докторъ, завернутый въ пушистую енотовую шубу, покрытую тонкимъ сукномъ, скоро прервалъ это молчаніе.

„Воля ваша, господа!“—сказалъ онъ: „а мнѣ право кажется, что вы любите преувеличить трудности походовъ. Правду сказать, я уроженецъ сѣверной Германіи, а потому и не боюсь морозовъ. Вы всѣ жалуетесь на теперешнюю стужу, а по мнѣ, такъ температура прекрасная и здоровая; вотъ вамъ примѣръ я самъ: до похода я вынужденъ былъ отказывать себѣ въ двухъ любимыхъ вещахъ—кюнель-вассеръ и голландскія сельди. Теперь всякое утро я съѣдаю цѣлую селедку и выпиваю по чаркѣ кюнель-вассера; между тѣмъ, благодаря Бога, чувствую себя прездоровеховькимъ.“

— Да, да, потому что ты Нѣмецъ—возразилъ съ замѣтною досадою скупой полковникъ.

„Прошу не забываться“ отвѣчалъ ему докторъ: „иначе я пожелаю отрядному начальнику, онъ васъ арестуетъ.“

— Ахъ ты негодный! Какъ смѣешь клеветать на Алексѣя Александровича—съ жаромъ произнесъ полковой командиръ, подходя ближе къ доктору и сжимая кулаки.—Развѣ ты забылъ, что онъ Русскій, а не Нѣмецъ, твой братъ? Понимаешь!—

Въ эту минуту провизжала пуля; одинъ офицеръ упалъ раненый. Нашъ эскулапъ, нагнувшись отъ визга пули поскользнулся и запутавшись въ шубѣ упалъ. Увидѣвъ кровь, текущую изъ раны офицера, онъ обезумѣлъ и отчаяннымъ голосомъ кричалъ собранію: „помогите, помогите, я раненъ.“ Всѣ хохотали, даже и самъ раненый. Однако испуганнаго доктора подняли на ноги. Вечеромъ по отряду пронесся слухъ, будто его поднимая презрѣдно пощипали, даже поколотили.

День кончился, какъ обыкновенно водится, на стоянкахъ, карточною игрою и разговорами. Всѣ повторяли слова отряднаго начальника: „кто со мной проходитъ нынѣшній годъ, тотъ вѣкъ меня не забудетъ!“ Многіе старались разгадать загадку этихъ словъ: думалъ ли онъ положить конецъ войнѣ въ этомъ краю, или предвѣщалъ неслыханные труды и небывалое еще кровопролитіе? Кто готовился погибнуть въ бояхъ того года, а кто быть изувѣчену; но къ чести отряда замѣтимъ, что никто и не думалъ перетолковать словъ начальника въ свою пользу, т. е. что подчиненные его не забудутъ за награды, которые онъ намѣренъ въ этотъ годъ имъ доставить. Правда, всѣ знали разборчивость и справедливость Алексѣя Александровича Вельяминава, да при томъ всякій зналъ что не отстанетъ отъ товарищей при случаѣ отличиться.

Послѣ неимовѣрныхъ трудовъ отрядъ, перенесшій всѣ ужасы зимняго похода: стужу, голодъ, всякаго рода лишенія, ознакомясь съ мясомъ кошекъ и собакъ, блуждавшихъ по покинутымъ жителями ауламъ, въ половинѣ марта отрядъ сталъ переправляться на лѣвый берегъ Терека. Несмотря на все это, веселость и безпечность русскаго кавказскаго солдата ни на минуту его не покидала; самыя жестокія лишенія не измѣнили его характера. Цѣлые батальоны, втаскивая артиллерію на крутизну горъ, покрытыхъ облаками, по глубокимъ

снѣгамъ, увѣряли, что отрядный начальникъ хочетъ вести ихъ ближе къ Богу. Проведя нѣсколько дней не ѣвши, въ числѣ солдатъ находились такіе, которые шли переходы, приплясываячи, увѣряя товарищей, что они сдѣлались такъ легки, что иначе не могутъ идти—и батальоны хохотали. Возвратясь изъ столь труднаго похода, эти истинно праведныя созданія изливали свою радость волокитствомъ, ухаживали за казачками, выѣзжавшими къ нимъ съ чихиремъ, булками и пр. Каждый наперерывъ старался разсмѣшить другихъ какимъ либо острымъ двусмысленнымъ словомъ или пошlostію, сказанною булошницамъ и чихирницамъ; но эти рѣдко отвѣчали войнамъ веселою улыбкою, большею частію они ворчали и прятали деньги, получаемыя за сбытый товаръ.

Наконецъ истомленные роты расположились по квартирамъ въ станицахъ. Кто можетъ себѣ представить блаженство уцѣлѣвшихъ воиновъ, незнавшихъ отдыха, согрѣтыхъ теперь въ теплыхъ домахъ горячими объятіями милыхъ, привѣтливыхъ терекскихъ казачекъ? Не разбирая чиновъ, всякій стремился къ одной и той же цѣли, правда, незамысловатой и немудреной, не требующей ни познаній, ни ума, однако необходимой для рода человѣческаго!

„Кому ума не доставало...“

говорить нашъ покойный Грибоѣдовъ.

Сначала нѣкоторыя казачки вооружились твердостію и цѣломудріемъ: но это продолжалось только съ недѣлю или много двѣ: а потомъ когда появились на станичныхъ львицахъ новые наряды и украшенія—это потрясло всю рѣшительность степенныхъ дочерей Терека! Таковы женщины! Та, которую не поколеблетъ и стремленіе сердца, ни жаръ полуденной крови, ни честолюбіе, словомъ никакія страсти души и сердца, та не можетъ устоять противъ искушеній новаго наряда. Увы! такова женская добродѣтель! разумѣется, я говорю о добродѣтели казачьихъ женъ и дочерей.

Былъ великій постъ. Унылый торжественный колоколъ ежедневно сзывалъ православныхъ къ молитвѣ и покаянію. Сколь глубоки впечатлѣнія, производимыя заунывнымъ, великопостнымъ звономъ, особливо, когда долгое время его не слышишь! Пробужденный христіанинъ невольно крестился: въ душѣ его отзывалось какое-то глубокое, сильное чувство. Творецъ, молитва, покаяніе, будущая жизнь—все это роится въ мысляхъ его и наполняетъ душу кроткимъ смиреніемъ. Онъ знаетъ,

что этотъ звукъ пробуждаетъ во всѣхъ одно и то же чувство; онъ любить ближнихъ своихъ, какъ братьевъ, какъ дѣтей единого Отца; даже бремя существенной жизни дѣлается ему сноснымъ, почти легкимъ.

Однако распущенному отряду не удалось и поговѣть. Проскакала какъ вихрь тройка. Она мчалась такъ быстро, что колокольчикъ едва звенѣлъ. Молодой офицеръ подскакивалъ къ квартирамъ военнаго и станичнаго начальниковъ, выбѣгалъ, опять садился на свѣжую тройку и въ станицѣ все кипѣло, все суетилось. Гдѣ-бъ солдаты ни были, что бы ни дѣлали, были ли въ церкви или спали дома, ихъ поспѣшно выгоняли; всюду слышалось магическое приказаніе: „скорѣй, выходи!“ и прибавлялось:—въ походъ! Станичные начальники съ атаманами своими и десятниками выгоняли солдатскій провіантъ. Велѣно идти форсированнымъ маршемъ.

Въ одинъ день дорога вверхъ по Тереку, на протяженіи болѣе ста верстъ, оживилась множествомъ войскъ, загроздила пушками съ ихъ ящиками, повозками съ провіантомъ и пр. Адъютанты неслись на курьерскихъ сломя голову, безъ нужды и цѣли.

Причина всей тревоги была та, что Газы-Мулла, собравъ многочисленныя толпы, пошелъ на Низрановское племя, которое не соглашалось принять его таригата [догмата вѣры] и оставалось вѣрнымъ Русскимъ. Онъ хотѣлъ силою увлечь за собою Низрановцевъ; но встрѣтилъ съ ихъ стороны неожиданный отпоръ. Племя это мужественно боролось съ многочисленнѣйшимъ непріателемъ, поджидая помощи отъ нашихъ войскъ. Отрядъ долженъ былъ спѣшить къ нему на выручку.

Газы-Мулла съ полчищами отступилъ, когда увидѣлъ приближеніе русскаго войска. Терекскому отряду только оставалось возвратиться, хотя на короткое время, на свои квартиры, гдѣ ему необходимо было обшиться и обуться.

II.

Son Dieu était la volonté! La puissance son idéal! La force son élément de vie!

Spiridion de Georges Sand.

По переправѣ русскаго отряда на лѣвый берегъ Терека. Газы-Мулла не отдыхалъ. Этотъ предприимчивый Мулла, воинъ и законодатель не терялъ времени. Онъ раздувалъ мятежъ, разжигалъ фанатизмъ дикихъ племенъ Кавказа, призывалъ ихъ къ *козаветту* [священной

войнѣ] и независимости. Между тѣмъ онъ поработалъ умы, заковывая ихъ страхомъ казней, страхомъ будущей жизни и неизбѣжной, неумолимой кары Божіей; обольщалъ ихъ корыстолюбіе льстивыми обѣщаніями, сулилъ имъ имущества *муртатовъ*,¹⁾ падшихъ во власть *мюрридовъ*²⁾, распространяя это и на женъ муртатовъ, ведущихъ хлѣбъ соль съ гяурами. Однимъ словомъ онъ созидалъ себѣ державу, избравъ главнымъ мѣстомъ пребыванія крѣпость *Агачь-Калу*.³⁾

Газы-Мулла посвящалъ дни свои проповѣдыванію новаго ученія, молился торжественно Творцу вселенной, предсказывалъ будущее и тѣмъ заслужилъ въ суевѣрномъ мнѣніи народа почетныя прозвища: *муршата* [учителя], *имана* [апостола] и *негамбара* [пророка]. Этого мало, онъ творилъ судъ и расправу въ подвластныхъ ему племенахъ, издавалъ законы, безпрестанно писалъ къ горнымъ обществамъ, настаивалъ ихъ мятежу и возстанію противъ Русскихъ, распредѣлялъ мѣста подъ укрѣпленія, укрѣплялъ ихъ, чтобы предупредить всякое покушеніе русскихъ отрядовъ, посылалъ наказывать деревни, отказывающіяся отъ его *ториата*, штрафовалъ цѣлыя общества, казнилъ и рѣзалъ головы провинившимся, и когда краснорѣчіе его не убѣждало, тогда прибѣгалъ къ огню и мечу, обращалъ все въ пепель и потоки крови; однимъ словомъ, бралъ силою то, чего не могъ покорить убѣжденіемъ. Случалось, что Газы-Мулла внезапно исчезнетъ; всѣ поиски останутся тщетны; но вскорѣ онъ вдругъ, неожиданно появится съ новыми нравственными силами, съ новою твердостію, съ новою предприимчивостію и часто съ новыми идеями. Это заставляло народъ

1) *Муртатъ*, вѣроотступникъ, *général*.

2) *Мюрридъ*, ученикъ. Газы-Мулла называлъ такъ послѣдователей своего ученія.

3) *Агачь-Кала* была первой крѣпостію Газы-Муллы и первымъ приютомъ мюрридовъ. Она находилась на вершинѣ Карапайскаго хребта, по дорогѣ отъ крѣпости Темиръ-Ханъ-Шуры къ укрѣпленію Зирани и была окружена высокими деревянными стѣнами. Въ 1832 году крѣпость эта была взята съ боя русскимъ войскомъ и уничтожена. Происшествіе это сливается съ горестнымъ воспоминаніемъ о смерти храбраго полковника Миклашевскаго, который вскочилъ первый на стѣны, желая подать примѣръ мужества командующему имъ полку. Онъ погибъ въ цвѣтѣ лѣтъ, оплакиваемый тѣми, которые его знали и уважали. Щадимый въ послѣднихъ войнахъ гибельныхъ климатомъ Персіи и кровопролитными боями Турціи, онъ легъ наповалъ на деревянныхъ стѣнахъ Агачь-Кала, въ дремучихъ лѣсахъ Дагестана. Храбрый мужъ! ты разстался съ жизнію въ порывѣ мужества, не чувствуя предсмертной тоски! Но что осталось послѣ тебя? По дорогѣ этой ежедневно проѣзжаютъ путешественники, проходятъ цѣлыя отряды, — и проводникъ — Дагестанецъ, указывая пальцемъ на остатки рва, говоритъ зѣвая: „вонъ тамъ была Агачь-Кала, крѣпость Газы-Муллы!“ Но никто не скажетъ: „тутъ погибъ Миклашевскій съ горетію храбрыхъ!“ Остались ли, по крайней мѣрѣ, въ рядахъ твоихъ сползвигники, свидѣтели твоего геройства? Увы! вотъ слава Кавказа!...

думать, что *Иманъ* бесѣдовалъ съ Аллахомъ или по крайней мѣрѣ съ Магометомъ. Чѣмъ сильнѣе были его отлучки, тѣмъ сильнѣе вкоренялись баснословныя вѣрованія посреди этихъ суевѣрныхъ племенъ, тѣмъ таинственнѣе дѣлался характеръ *Имана*.

По возвращеніи съ одной изъ этихъ отлучекъ, *Иманъ* объявилъ, что Аллахъ повелѣлъ ему воздвигнуть въ горахъ первопрестольный храмъ, гдѣ духовенство, поставленное этою мечетью, одно будетъ признано истиннымъ, правовѣрнымъ; что всѣ прочіе—лжецы, обманщики, богоотступники, что Аллахъ повелѣваетъ каждому мюриду, правовѣрному истреблять, умерщвлять муртатовъ, и въ награду даетъ имъ все имущество убіенныхъ. Этотъ храмъ былъ заложенъ въ Ново-Андреевской деревнѣ; но въ зимній походъ 1832-го года генерала Вельяминова былъ срытъ и стѣны его опрокинуты. Газы-Мулла покинулъ на нѣкоторое время намѣреніе закладывать новую первопрестольную мечеть; но въ настоящую пору—его положеніе измѣнялось, власть увеличилась, онъ видѣлъ себя властелиномъ, у него было имущество. Иману нужна была уже не ничтожная крѣпость Агачь-Кала; но мѣсто, гдѣ было бы защищено, какъ отъ поисковъ русскихъ войскъ, такъ и отъ кичливости его соотчичей, нетвердыхъ въ преданности своей, необузданныхъ дѣтей горъ. Для этого онъ избираетъ селеніе Гимры, лежащее въ неприступныхъ тѣснинахъ горъ; единственную тропу ведущую къ владѣніямъ Русскихъ заграждаетъ тремя рядами огромныхъ, каменныхъ, заваловъ, вѣчаныхъ заостреннымъ частоколомъ; упираютъ эти завалы въ отвѣсныя скалы Кавказа, и вооружаетъ ихъ укрѣпленными башнями. Окончивъ это, онъ перевозитъ въ Гимры свои сокровища. своихъ плѣнныхъ и плѣнницъ. Да, у него есть и плѣнницы; но онъ мало объ нихъ помышляетъ; одна лишь Армянка служитъ исключеніемъ. Оторванная отъ богатаго семейства въ Кизлярѣ, съ перваго дня плѣна, она отдѣлена отъ прочихъ, не раздѣляла звѣрскаго насилія, не служила насыщеніемъ грубымъ, сластолюбивымъ похитителямъ своимъ подобно подругамъ, которыя клянуть жизнь, берегаемую врагами для насыщенія звѣрскихъ страстей своихъ, даже родная сестра ея не ушла отъ общей участи, отъ общаго позора. Взятая юною дѣвой, Армянка дѣва и теперь; она оплакиваетъ разлуку съ родными, плѣнъ, окруженный нѣгою, покуда другія въ рубищахъ истомляются въ самыхъ трудныхъ домашнихъ и полевыхъ работахъ. Окруженная многочисленной прислугой, она видитъ лишь угожденіе и любовь окружающихъ ее. Газы-Мулла къ ней не ходитъ: одиноко и цѣломудренъ, онъ презираетъ наслажденіе плоти, по крайней мѣрѣ, такова народная молва; однако онъ часто спрашиваетъ объ Армянкѣ, испол-

няетъ всѣ ея просьбы, доходящія до нея чрезъ посланцевъ: народъ только дивится его набожности. Молодая плѣнница знаетъ кумыкскій языкъ, какъ и всѣ кизлярскіе ея единовѣрцы; *Иманъ* приставилъ къ ней кумыкского стараго Алла, боязливаго муллу, который преподаетъ ей коранъ, и старается обратить армянку въ правовѣріе, однако все напрасно. Она остается непоколебима и тверда даже на всѣ доводы и убѣжденія одного краснорѣчиваго старика, русскаго отступника и бѣглеца, который представляетъ ей, что никакой выкупъ не возвратитъ ее семейству, что ей не видать болѣе страны родной. слѣдовательно, и не почерпать никогда утѣшенія въ обязанностяхъ своей церкви. Между тѣмъ Газы-Мулла отправляется въ походъ, причинившій тревогу въ станицахъ, описанную въ предыдущей главѣ.

Иманъ въ землѣ Назрановцевъ, въ своемъ станѣ, ведетъ ту же дѣятельную жизнь, какъ и дома. Лазутчики непрестанно привозятъ ему извѣстія о движеніи русскихъ войскъ, о готовности такихъ-то племенъ присоединиться къ нему, о нерѣшительности и сомнѣніи другихъ, объ упорствѣ третьихъ. Газы-Мулла все слушаетъ важно; его лицо пребываетъ неизмѣнно, какъ у истаго азіатца, между тѣмъ онъ разсылаетъ во всѣ стороны гонцевъ съ приказаніями, убѣжденіями, наставленіями и письмами къ разнымъ кадямъ; послѣ того принимается за чтеніе корана и молитву.

Однажды, ночью, *Иманъ* сидѣлъ въ своемъ шатрѣ, посреди спящаго стана: открытый коранъ лежалъ передъ нимъ, освѣщенный огнемъ костра; его вѣрный, неразлучный слуга, Кара-Иса, вошелъ къ нему съ полусонными глазами и объявилъ, что какой-то Гимріецъ пріѣхалъ къ *Иману*. Его вводятъ, но прежде чѣмъ впустить пріѣзжаго, вошли два часовые съ ружьями на изготовѣ, съ возведенными курками: пріѣзжій былъ совершенно обезоруженъ. Газы-Мулла узнаетъ въ немъ одного изъ своихъ домочадцевъ; тогда отпустивъ караулъ и Кара-Ису, онъ спрашиваетъ: „что новаго въ Гимрахъ?“ Послѣ подробнаго отчета во всемъ ему порученномъ для передачи Муршату, домочадецъ *Имана* объявилъ, что армянская дѣва готова принять правовѣріе. Необычайный, неизъяснимый лучъ радости прояснилъ строгое чело Газы-Муллы, онъ не смѣетъ вѣрить этому извѣстію, заставляетъ домочадца повторять его нѣсколько разъ, и наконецъ убѣдясь въ истинѣ, восклицаетъ: „великъ Аллахъ, многомилостивъ къ рабу своему!“ Послѣ того *Иманъ*, наградивъ пріѣзжаго, отпустилъ его отдыхать, а самъ принялся опять за чтеніе корана; но глубокая, трепетная дума наполняла его смущенную душу.

Около шатра муршата былъ поставленъ высокій треножникъ. служившій минаретомъ. На разсвѣтѣ на него взбирается муэzzинъ и плаксивымъ, протяжнымъ голосомъ провозглашаетъ на весь станъ: „Ла иль Алла. Мухметъ риуль-иль Алла. вставайте правовѣрные на Ирти-Намазъ Джюнгѣ¹⁾, молитва бо есть лучше сна!“ Это воззваніе застало Газы-Муллу еще бдящимъ. Онъ всталъ съ своего мѣста, совершилъ домашнее омовеніе и вышелъ къ треножнику. Ему постлали бурку, тутъ онъ разулся, умылъ ноги, руки и бороду, потомъ сталъ торжественно на колѣни и началъ читать въ подголоса молитвы. Старѣйшины и духовенство повторяли молитвы, стоя также на колѣняхъ на своихъ буркахъ въ нѣсколько рядовъ позади первосвященника: прочіе слѣдовали ихъ примѣру, но у своихъ ложбищъ, по всему стану. Молитва продолжалась долго, съ разными тѣлодвиженіями. Правовѣрные кланялись усердно въ землю, неоднократно вставали на ноги, чтобы опять пасть на колѣни, словомъ сказать, не упустили ни одного наружнаго признака, обыкновенно сопровождающихъ молитву магометанъ. Наконецъ ирты-намазъ кончился; всѣ обулись, надѣли свои черкески и важно, по азіатски, поздоровались съ Иманомъ. Газы-Мулла, отдавъ имъ поклонъ, торжественно произнесъ слѣдующую рѣчь: „Правовѣрные! да утвердить васъ Аллахъ на путяхъ своихъ! Сообщаю вамъ, что нынѣшнюю ночь Всемудрый ниспослалъ на меня, покорнаго раба своего, вдохновеніе. Возрадуйтея милостямъ, посылаемымъ Всесвятымъ на избраннаго своего! Хвала имени Его! Хвала щедротамъ Всемилосердаго! Да, правовѣрные! Покуда вы покоились среди ночной тиши благодѣтельнымъ сномъ, я былъ углубленъ въ чтеніе премудрой книги. Внушенный Всевѣдущимъ я предавался слѣдующимъ размышленіямъ: по истинному ученію, многоженство ненавистно Аллаху, тѣмъ паче ненавистенъ тотъ, кто предается наложницамъ²⁾: а потому отвратись отъ пола радостей, я вель самую строгую, цѣломудренную жизнь, и въ гордости своей думалъ идти по стезямъ, угоднымъ Всемудрому; но это была лишь надмѣнная самонадѣянность. Могу ли я, твореніе ничтожное, идти противъ законовъ природы? Могу ли я быть премудрѣ Создавшаго меня? Аллахъ создалъ насъ для того, чтобы мы плодили землю и населяли ее, меня также какъ и другихъ. Для этого Аллахъ учредилъ бракъ и далъ обоимъ поламъ взаимныя желанія. итакъ человѣку должно, необходимо жениться! Таково было мнѣ внушеніе Всевышняго нынѣшнюю ночь, когда я получилъ извѣстіе, что моя Кизлярская плѣнница освѣщена лучемъ Аллаха и жаждетъ при-

1) *Джюма*, пятница, празднуемая магометанами вмѣсто нашего воскресенія.

2) Это одно изъ главныхъ правилъ юридыства.

нять правовѣріе. Изъ этого я вижу, что она предназначена мнѣ въ жены; покорный велѣнію Всемогущаго, прошу васъ избрать между себя трехъ духовныхъ особъ, въ присутствіи которыхъ кизлярская Армянка, нареченная супруга Газы-Муллы приметъ правовѣріе Великаго Пророка!⁴

Между тѣмъ русскія войска приближались; Назрановцы оказывали лишь сильнѣйшій отпоръ; съѣстные припасы горцевъ истощались; Газы-Мулла рѣшился распустить свои полчища и возвратиться въ Гимры. Тутъ онъ засталъ свою Армянку уже мусульманкою; въ присутствіи трехъ почетныхъ эфенди, она поклялась на раскрытомъ коранѣ, держанномъ гимрійскимъ кадіемъ, что отрекается отъ вѣры предковъ своихъ и вступаетъ въ магометанство. Газы-Мулла этого только и ждалъ: онъ назначилъ день для брака, разослалъ повсюду въ горы сзывать народъ на свадебный пиръ и отрядилъ нѣсколько отрядовъ барантовать сосѣдственныя русскія области, чтобы имѣть нужное количество скота для угощенія ожидаемыхъ гостей. Въ горахъ распространился слухъ о дивномъ обращеніи Армянки въ мусульманство; изъ устъ въ уста переходили баснословные рассказы о великолѣпныхъ приготовленіяхъ Имана къ брачному пиру, вещь еще дотолѣ неслыханная въ краю, гдѣ стоическіе нравы не освящали обыкновеніемъ своимъ таковыя празднества.

Разныя племена съѣзжались. Газы-Мулла привѣтствовалъ всѣхъ съ необычайнымъ радушіемъ; льстилъ старѣйшинамъ и людямъ почетнымъ, только лишь на кааедрѣ мечети, когда послѣ молитвы, онъ проповѣдывалъ коранъ, Иманъ являлся прежнимъ строгимъ, угрюмымъ, непоколебимымъ мужемъ. Страшны были въ его устахъ угрозы въ мести Аллаха, ужасны были его проклятія на тѣхъ, которые дерзнуть измѣнить святому ученію, ими нынѣ принятому! Въ эти торжественныя минуты, Иманъ говорилъ, что близокъ часъ отчаянной борьбы съ Русскими: счастливъ тотъ, кто погибнетъ за святое дѣло; вѣнецъ безсмертія, вѣчныя радости и безпрестанныя наслажденія будутъ его наградою въ высшемъ небѣ. Тутъ Газы-Мулла самъ сознавался, что самъ жаждетъ славной смерти боевой, и говорилъ, что, когда его не станеть, онъ избираетъ по себѣ преемникомъ первосвященства, одного изъ двухъ своихъ мюридовъ: Аварскаго ченку¹⁾ Гамзатъ Искендера или Гимрійца Шамиля, что Аллахъ долженъ указать, кото-

¹⁾ Ченка, родившійся отъ брака исправныхъ состояній. Это среднее положеніе между сыномъ законнымъ и побочнымъ. Когда отецъ Уздень (дворянинъ), а мать простая поселанка или мать княжна, а отецъ Уздень, и такъ даѣе, тогда сыновья ченки.

рому изъ двухъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе. Иманъ увѣщавалъ народы къ покорности его наслѣднику.

Это было раннею весной. По всему берегу Аварскаго Кой-су, въ окрестностяхъ Гимръ, лежали группами горцы и съ свойственной имъ лѣнью, машинально, смотрѣли на бѣшеный потокъ, который крутился, вздувался отъ потоковъ, стремящихся съ выси горъ, гдѣ таяли снѣга и взворачивалъ въ шумномъ руслѣ своемъ громады камней. Въ окрестныхъ садахъ соловьи своими трелями вторили ропотному журчанью водъ; птички въ кустахъ пересказывали другъ другу взаимную любовь, горлицы нѣжно ворковали, гуляя по юной муравѣ, испещренной цвѣтами; могучіе орлы перекликались на вершинахъ скалъ; но горцы не обращали вниманія на эту дивную картину природы: одна мысль наполняли умы, одинъ разговоръ занималъ всѣхъ—это Газы-Мудла! Въ частныхъ бесѣдахъ разсыпались хвалами Иману, дивились его привѣтливости, гостепріимству, мудрости, святости, однимъ словомъ, Газы-Мудла никогда не былъ такъ могучъ и силенъ, какъ въ эту пору. Прежде страшились его казни, теперь его привѣтствіе побѣждало всѣ сердца.

III.

Je viens après mille ans changer ces lois grossières
Il faut un nouveau culte, de nouveaux fers,
Il faut un nouveau Dieu pour l'aveugle univers.

Ma h o m e d e V o l t a i r e .

Чѣмъ скрытнѣе человѣкъ, чѣмъ молчаливѣе онъ въ кругу людей, тѣмъ необходимѣе ему изрѣдка изліяніе чувствъ, совершенная откровенность: онъ отдыхаетъ, сбросивъ съ себя личину, въ которую облекается въ обществѣ. Но къ чему же эта личина, спросите вы? Причины, побуждающія носить ее столько же различны, сколько и свойства людей. Иной носить ее изъ желанія казаться умнѣе, чѣмъ есть; другой хочетъ скрыть подъ ней свои пороки; третій изъ робости не желаетъ показывать отвращенія или презрѣнія, которое чувствуетъ къ ближнимъ своимъ, къ ихъ пошлостямъ или низостямъ; четвертый боится быть смѣшнымъ и надѣваетъ личину; но цѣль ея всегда одна—заслужить уваженіе себѣ подобныхъ и пользоваться преимуществами этого уваженія.

Личина эта у людей просвѣщенныхъ бываетъ разнообразна и зависитъ отъ склонностей, воспитанія, ума и даже круга, въ кото-

ромъ человѣкъ живетъ. Необразованные, грубые азіатцы скрываютъ всѣ стремленія необузданныхъ страстей своихъ подъ личиною важности и глубокаго молчанія. По законамъ вѣры и обычаямъ, магометанинъ долженъ находиться въ вѣчной борьбѣ съ самыми сильными влеченіями каждаго человѣка. Переступивъ изъ за домашняго порога, мусульманинъ долженъ забыть даже о существованіи другого пола, кромѣ его собственнаго; всякое возвышенное чувство какъ напримѣръ: сыновняя или родительская любовь, нѣжность къ супругѣ или сестрѣ— все это слабость, позоръ, преступленіе для кавказскаго магометанина; а пуще всего позорны для него порывы человѣколюбія. Чтобы заслужить общее уваженіе въ горахъ, онъ долженъ казаться суровымъ, жестокимъ и совершенно одинокимъ на свѣтѣ, быть чуждъ всякаго рода привязанности. А потому, кавказскій мусульманинъ, опасаясь обнаружить какія либо чувства и тѣмъ измѣнить собственному характеру, носитъ непроницаемую маску суровости и притворнаго, глубокаго молчанія. Чѣмъ искуснѣе онъ разыгрываетъ эту роль, тѣмъ необходимѣй для него отдыхъ. Перейдя за высокія стѣны своего дома, гдѣ ни одно окно не пробито на улицу, онъ запираетъ крѣпко свои двери, разоблачается тѣлесно и нравственно, ласкаетъ жену, дѣтей, становится разговорчивъ, чувствителенъ, веселъ и только сохраняетъ отъ внѣшней личины своей непреклонное самовластіе, нетерпящее противорѣчія. Такая двоякая роль дѣлаетъ его ревнивымъ, какъ физически, такъ и нравственно: ему страшно и подумать, что жена его, подлюбивъ другого, раскроетъ любовнику настоящій нравъ своего мужа. Вотъ причина, внушившая магометанамъ мысль запираеть женскій полъ. Но это нисколько не дѣлаетъ женщинъ несчастными, какъ полагаютъ европейскіе филантропы: онѣ имѣютъ свои радости, свои наслажденія, правда, непонятныя для образованныхъ дамъ, однако не менѣе того существенныя: даже власть ихъ на мужей, хотя скрытнѣе, но не менѣе сильна европейскихъ женъ.

Газы-Мулла былъ магометанинъ, и по принятому имъ на себя характеру, долженъ былъ носить личину, еще болѣе непроницаемую, чѣмъ другіе его единовѣрцы, которыхъ онъ имѣлъ цѣлью обманывать. Поэтому понятно, что онъ нуждался въ женѣ и предпочелъ взять ее изъ плѣнницъ, не имѣвшихъ около себя никого близкаго, кому бы передать тайны мужа: понятно также и счастье Газы-Муллы, когда бракъ его совершился.

Пиршества долго не прекращались; Иманъ являлся передъ народомъ все по прежнему: его жизнь, повидимому, ничѣмъ не измѣнилась.

Покорный обычаемъ горцевъ, онъ засыпалъ поздно ночью въ своей кунакской, наполненной старѣйшинами, учеными и людьми духовными, которые расходились тогда только, когда Газы-Мулла послѣ дневныхъ трудовъ своихъ, предавался сну.

Едва уходили всѣ, какъ Иманъ переходилъ потаенною дверью въ комнату жены, гдѣ наслаждался всѣмъ счастьемъ, которое мусульманинъ можетъ найти въ бракѣ.

Покой, куда Газы-Мулла являлся любовникомъ и мужемъ, была довольно просторная, продолговатая комната, въ углубленіи которой, на богатыхъ коврахъ, лежали перины, служившія постелью и покрытыя парчевыми одѣялами, стеганными на ватѣ; въ изголовьи были огромныя пуховыя подушки въ штофныхъ чехлахъ. Неподалеку отъ постели, въ другой стѣнѣ, находился каминъ, гдѣ всегда горѣлъ веселый огонь; у противоположной стѣны, четвероугольные каменные столбы, суживающіеся кверху, поддерживали полки, закладенныя тюфяками, подушками, коврами и тому подобнымъ; на столбахъ висѣли зеркала и разная луженая посуда, между ими на полу стояли большіе, пестрые тюменскіе сундуки; позади одного изъ нихъ скрывалась потаенная дверь, въ которую входилъ каждую ночь Газы-Мулла. Комната эта была выкрашена бѣложелтоватою краскою, а каминъ и столбы, желтою вохрою. Кругомъ камина, столбовъ, наружной двери и единственнаго окна, залѣпленнаго бумагою, натертою жиромъ, были проведены широкія черныя полосы, въ видѣ украшеній; окно запиралось на ночь дубовыми створчатыми ставнями. На день постель прибиралась и на этомъ самомъ мѣстѣ, на разостланныхъ богатыхъ коврахъ, посреди роскошныхъ подушекъ, въ богатомъ нарядѣ, жена Газы-Муллы, окруженная почетнѣйшими женами Гимрійскими, ткала позыменты и принимала старѣйшинъ и людей заслуженныхъ. На ночь все запиралось кругомъ, и она предавалась тайнымъ наслажденіямъ первыхъ брачныхъ ночей.

Спустя нѣсколько дней послѣ свадьбы, ужасная буря стонала ночью извнѣ, врываясь вихремъ въ щели дверей и окна брачнаго покоя. Иманъ всталъ съ ложа, совершилъ омовеніе, надѣлъ бешметъ и подпоясалъ его поясомъ, на которомъ висѣлъ кинжалъ, заткнулъ пистолетъ сбоку и сѣлъ противъ камина, гдѣ горѣлъ яркій огонь, освѣщавшій всю комнату. Армянка вѣроотступница лежала бокомъ на синемъ парчевомъ одѣялѣ, подложивъ подъ локоть круглую подушку, крытую краснымъ штофомъ. Она поддерживала рукою лицо; большіе

и выразительные глаза ея, полные истомы наслажденій, съ любовью покоились на Иманѣ. Двадцать четыре тоненькія черныя косы, сплетенныя на затылкѣ, небрежно падали по плечамъ; спереди, волосы ея были обстрижены коротко и ровно, какъ у русскихъ мужиковъ; на головѣ находился маленькій платочекъ яркаго цвѣта; въ ушахъ блестя алмазныя серьги, а бѣлую шею обвивала нитка крупнаго жемчуга—добыча Кизляра. Вся одежда ея состояла изъ длинной, бѣлой рубашки, застегнутой у воротника небольшою, бирюзовою запонкой: рукава широкіе къ низу обнажали совершенно ея руки; рубашка въ прихотливыхъ складкахъ лежала по недавно еще дѣвственному, юному тѣлу; изъ подъ нея розовые ногти ногъ выглядывали наружу. Армянка не была красавица, но необычайная свѣжесть и огненное, пламенное выраженіе глазъ, дѣлало изъ нея существо, привлекательнѣе самихъ красавиць. Газы-Мулла, проведя важно рукою по бородѣ и пробормотавъ обыкновенное ежечасное призваніе *Ла иль Алла*, зѣвнулъ протяжно и сказалъ:

„Я нарочно днемъ выспался, чтобы долѣе съ тобою побесѣдовать.“
—Мнѣ самой не хочется спать—отвѣчала Армянка. Потомъ, послѣ нѣкотораго молчанія, прибавила:—Чѣмъ больше смотрю на тебя, тѣмъ тверже вспоминаю твои черты; я гдѣ то тебя встрѣчала. Сдержи, *джана* (мой милый, мой другъ), свое обѣщаніе, расскажи, гдѣ мы съ тобою впервые встрѣтились?

Иманъ задумался, нахмурилъ брови, взглянулъ нѣсколько разъ на жену, потомъ сказалъ: „рассказать тебѣ это, значить открыть всю жизнь мою; но знай, что я ввѣряю тебѣ тайну важную—вотъ это будетъ мнѣ порукою въ твоемъ молчаніи.“ И Газы-Мулла, сведя опять брови, указалъ на кинжалъ. Немного спустя, онъ продолжалъ:

„Слушай же, что каждую ночь просишь тебѣ рассказать. Родители назначали меня въ духовное званіе, а потому и отдали учиться арабской грамотѣ. Окончивъ ученіе, я былъ посвященъ въ Муллы и отправился въ Кизляръ, гдѣ открылъ школу, въ татарскомъ предметѣ, для дѣтей правовѣрныхъ; но это доставляло мнѣ лишь скудныя средства къ пропитанію; между тѣмъ дѣятельность моего нрава съ каждымъ днемъ развивалась болѣе, я жаждалъ трудовъ, кровь во мнѣ бушевала, избытокъ жизни томилъ, чтеніе арабскихъ книгъ возмущало воображеніе: жаждалъ чего-то и самъ не зналъ, что мнѣ нужно, сдѣлался несносенъ самъ себѣ, скучалъ всѣмъ, тосковалъ, между тѣмъ какая-то невѣдомая потребность всюду меня преслѣдовала, сама жизнь

была мнѣ въ тягость. Въ это время, потерявъ терпѣніе надъ собою, я рѣшился истомою тѣла заглушать непонятныя терзанія души. Послѣ двухъ-лѣтняго степеннаго управленія школою, я вдругъ предался распутству, промоталъ и пропилъ все, что имѣлъ для существованія. Родители моихъ учениковъ, оскорбленные моимъ соблазнительнымъ поведеніемъ, отняли у меня дѣтей, тогда я вынужденъ былъ искать дневное пропитаніе въ трудахъ поденщика, подъ именемъ Муллы-Магмета...“

—Мулла-Магметъ!—прервала вѣроотступница:—мнѣ что-то памятно это имя.—

„Да, Мулла-Магметъ нанимался днемъ у кизлярскихъ Армянъ работать въ ихъ виноградникахъ, а вечеромъ, на заработанныя деньги, съѣдалъ укромный кусоѣкъ хлѣба и напивался пьянъ. О, какъ горьки были мнѣ эти деньги! Не удивительно, что я искалъ въ пьянствѣ средство усыпить огорченное самолюбіе. Мало того, что я зарабатывалъ ихъ по́томъ лица своего, но еще когда приходилъ часъ расплаты, надменные кизлярскіе Армяне, разными неправдами, хитростями удерживали одну часть слѣдующихъ мнѣ денегъ, а остальную выдавали съ дерзкимъ презрѣніемъ. Просить на нихъ было бы глупо; я очень хорошо зналъ, что все кругомъ имъ предано изъ корыстолюбія; а потому непрерывно переходилъ отъ одного къ другому. Наконецъ я поцалъ къ отцу твоему: онъ былъ еще хитрѣе своихъ единовѣрцевъ, но обходился ласково съ работниками; я работалъ у него уже два мѣсяца.“

—Такъ это тамъ я тебя видала?—спросила жена Газы-Муллы.

„Да, ты меня видала въ саду отца своего; я часто издали любовался тобою, ты мнѣ нравилась: съ этой поры я сталъ тебя желать.“

—Желать, а не любить?—замѣтила армянка.

„Да, желать“ отвѣчалъ Иманъ, нахмуря брови. Послѣ короткаго молчанія, онъ опять провелъ по бородѣ и продолжалъ: „наконецъ утро окончательнаго разчета настало; отецъ твой безсовѣстно меня обсчиталъ; я заспорилъ и онъ ударилъ меня. Я было кинулся на него; но онъ, ударомъ палки по головѣ, повергъ меня безъ чувствъ на землю. Товарищи меня вынесли, обмыли холодною водою, и я опомнился: мечь, ужасная мечь кишѣла во мнѣ, насилу дождался я вечера. Когда смерклось, съ кинжаломъ у пояса, я пошелъ къ дому отца твоего съ намѣреніемъ его убить, а тебя украсть и изнасилъствовать.“

Если же ты не согласишься бѣжать со мною въ горы, то умертвить и тебя. Ночь была темная; дождь ливня лилъ, кое-когда перемежаясь градомъ; я стоялъ около крыльца вашего дома; собаки всё укрылись отъ непогоды, а если-бъ и бѣгали по двору, то они меня знали; терзанія души моей были ужасны въ этѣ минуты. Продрогъ я отъ мокроты, но меня оживляло чувство страха, если меня поймають на преступленіи; жажда мести надъ твоимъ отцомъ и наслажденія съ тобою противоборствовали холоду осенней ночи и согрѣвали мою кровь. Я зналъ, что въ вашемъ большомъ домѣ, кромѣ твоего отца, матери, сестры твоей и тебя, никого не было, стало быть, умертвиль главу семьи внезапно, нетрудно было бы довершить и остальное. Наконецъ дождь пересталъ; но темнота ночи еще болѣе усилилась; небо было черно и страшно; громы вдали перекатывались и лишь изрѣдка красная полоса молніи пересѣкала нависшія тучи. Колоколь пробилъ девять разъ; загрѣбли солдатскіе барабаны; дверь крыльца отворилась и предметъ моей мести вышелъ. Я далъ ему сдѣлать нѣсколько шаговъ; потомъ вдругъ закрылъ ему крѣпко шапкою ротъ, и лезвее остраго кинжала, настоящаго Базалая,¹⁾ пронзила ему сердце. Онъ упалъ на землю; молнія блеснула и что же увидѣлъ я? Не отца твоего я зарѣзалъ, но какого-то неизвѣстнаго мнѣ армянина.“

—О! я помню какъ это всёхъ насъ перепугало!—прервала армянка:—но никто не могъ отгадать убійцы.—

Газы-Мулла молчалъ. Досада, злость выразились на лицѣ его. Немного спустя онъ продолжалъ:

„Дѣлать мнѣ въ Кизлярѣ уже было нечего; оставаться въ этомъ городѣ, гдѣ никто не понялъ бы, что я не могъ иначе поступить послѣ нанесенной мнѣ обиды—было опасно; я воспользовался темнотою ночи и пошелъ прямо къ Тереку; переплывъ черезъ эту рѣку, вышелъ на Казы-юртскую дорогу, шелъ по ней, днемъ скрываясь въ камышахъ, а ночью продолжая путь. Такимъ образомъ я добрался до деревни Мятли, гдѣ нашель гостепрѣимство и пріютъ у кунака (пріятеля, друга); тутъ уже никакая опасность не грозила мнѣ. Я сталъ помышлять о томъ, что бы мнѣ предпринять: съ одной стороны, я видѣлъ необходимость обезпечить свое существованіе, не имѣя ровно ничего; съ другой, я не могъ покинуть замысла мести надъ отцомъ твоимъ, не могъ и отказаться навсегда отъ тебя. Подстрекаемый этими чувствами, я

¹⁾ *Базалай*, славный оружейникъ въ Дагестанѣ, извѣстный по всему Кавказу.

рѣшился пристать къ извѣстной шайкѣ абрековъ Ичкиринской земли; но прежде всего захотѣлъ побывать въ Гимрахъ, на родинѣ своей. Когда пришелъ туда, во мнѣ родилось новое желаніе повидаться съ учителемъ моимъ, славнымъ Алимомъ¹⁾ Казіемъ-Магометомъ-Муллою; но это было не легко. Всѣ знали, что онъ живъ и живетъ отшельникомъ въ какой-то пещерѣ; но гдѣ именно, никто не могъ указать: это еще болѣе подстрекнуло мое желаніе. Я отправился въ верхній Табасаранъ, къ одному Муллѣ, бывшему нѣкогда любимымъ ученикомъ нашего наставника и нашелъ въ немъ строгаго блюстителя ученія Великаго Пророка, во всемъ смыслѣ праведнаго мужа. Онъ принялъ меня радушно; я рассказалъ ему о намѣреніи своемъ пристать къ абрекамъ и о желаніи видѣться прежде съ нашимъ учителемъ; просилъ его помочь въ послѣднемъ: онъ ничего на это не отвѣчалъ. На слѣдующій день, поздно вечеромъ, онъ меня разбудилъ и спросилъ, все ли я желаю видѣть Муршата Магметъ-Муллу; я отвѣчалъ утвердительно; тогда онъ велѣлъ мнѣ встать и идти за собою. Мы навьючили двухъ ословъ пищею и отправились безъ дорогъ и тропъ, по ужаснымъ чащамъ, то взбираясь на крутую гору, то карабкаясь на скалу, по камнямъ и розсыпямъ. Наконецъ къ полуночи, мы взобрались съ большимъ трудомъ на превысокую гору, имѣющую съ одной стороны отвѣсную скалу; въ полускалѣ было отверстіе, мы спустились туда по аркану и очутились въ пространной, высокой пещерѣ. Въ одномъ углу сидѣлъ худой и строгаго вида старецъ, который передъ огнемъ варилъ себѣ кушанье; неподалеку отъ него, разостланный на камнѣ коверъ, бурка и деревянная колода въ изголовьѣ, составляли его постель. Въ стѣнѣ пещеры, выходя изъ трещины, журчала водяная струя и уходила въ другую трещину. Магметъ-Мулла принялъ меня строго, но благосклонно: онъ объявилъ, что я долженъ пробыть съ нимъ нѣсколько времени. Мы спустили также съѣстные припасы; я прибралъ ихъ; тогда мой спутникъ простился съ нами, вышелъ изъ пещеры, подобралъ арканъ и пошелъ назадъ въ свое селеніе. Я же остался съ Муршатомъ, который началъ меня испытывать: мое испытаніе продолжалось всю эту луну. Наконецъ, въ одно утро, послѣ ирты-намаза, Магметъ-Мулла объявилъ, что онъ избираетъ меня въ проповѣдники исправительнаго таригата, въ служители Аллаха, которому поклоненіе страшно упадаетъ среди нашихъ горныхъ племенъ; но что прежде этого, онъ долженъ еще посвятить меня въ великія тайны. Такимъ образомъ прошелъ годъ: этотъ муд-

¹⁾ *Алимъ*, всякій челоѣкъ, извѣстный своей ученостію и пользующійся особеннымъ уваженіемъ народа.

рець пояснял мнѣ смыслъ правовѣрія, открывалъ тайны таригата, разсуждалъ о предметахъ шаріата, о способѣ привлекать, убѣждать и повелѣвать соотчичами. Бывало, по зорямъ, мы сиживали у отверстія пещеры и смотрѣли въ ущелье. Уединеніе, отшельническая жизнь, заставляла Магметъ-Муллу обращать на все окружающее созерцательное вниманіе—это обратилось ему въ привычку и потребность: онъ видѣлъ во всемъ символы. сисясь читать ихъ смыслъ¹⁾ и старался научить меня тому же. Съ какою любовью къ природѣ онъ смотрѣлъ на оленя, ходившаго по зеленой полянѣ, на пташекъ, перелетавшихъ съ дерева на дерево, покуда дикій котъ коварно подкрадывался къ нимъ; иногда хищный волкъ или хитрая лисица, сторожившіе добычу, обращали вниманіе мудраго старца, то орлы, парившіе въ синевѣ небесъ, то медвѣдь, карабкавшійся на скалу и занимавшійся паденіемъ столкнутыхъ имъ камней, летѣвшихъ на дно пропасти; то медвѣдица, кормившая своихъ птенцовъ, иногда ласково ихъ облизывая, а иногда прихотливо дававшая имъ оплеухи богатырскою лапой. Но больше всего, его занимали облака, когда, спустившись на уровень пещеры, они изрыгали молніи и громъ разражался на окрестныхъ горахъ, раскидывая кругомъ обломки вѣсковыхъ гранитовъ, а молніи огненными шарами клубились внизъ по скаламъ. Муршатъ вслушивался въ перекаты грома, въ ревъ бури и силился понять языкъ перуновъ. Вечеромъ, когда закатъ солнца производилъ тѣни, то старецъ, указывая на нихъ, повторялъ 50-й стихъ XVI-й главы Корана: *все созданное Аллахомъ наклоняетъ тѣнь свою направо и нѣлѣво, дабы поклониться Ему и повернуться предъ Нимъ*. Когда же въ тихую, лѣтнюю ночь, свѣтила луна и пѣлъ соловей, онъ уныло внималъ его трелямъ. задумывался, и порою слеза выкатывалась изъ потускнѣвшихъ глазъ мудреца: онъ будто понималъ говоръ буль-буля и оплакивалъ грѣхи человеческого рода, лишившіе его правъ говорить чистымъ, благозвучнымъ языкомъ пернатаго пѣвца и небожителя. Кромѣ товарища моего, который привелъ меня къ Магметъ-Муллѣ и который доставлялъ намъ изрѣдка по ночамъ пищу и дрова, никто насъ не посѣщалъ. Иногда онъ бесѣдовалъ съ нами цо нѣскольکو часовъ, отдавалъ Муршату подробный отчетъ во всемъ, что происходило въ нашемъ отечествѣ; для этого онъ разсылалъ повсюду вѣрныхъ людей, которые доставляли ему нужныя свѣдѣнія. Однажды ночью, среди зимы, наставникъ мой сидѣлъ задумчиво у входа пещеры, свѣтъ луны ослѣпительно отражался на высяхъ горъ, покрытыхъ снѣгомъ, отвердѣ-

¹⁾ *Писла* (заглавіе XVI главы Корана) гласитъ, что каждая вещь въ природѣ имѣетъ свое значеніе.

лыхъ отъ сильнаго мороза; наконецъ Магметъ-Мулла, пересѣвъ къ камину, углубился совершенно въ чтеніе Корана, а я между тѣмъ заснулъ. Настала полночь; я проснулся отъ непонятнаго шума: скалы ужасно трещали, все подо мной колебалось; смотрю въ страхъ кругомъ себя и что же вижу я? Передо мной стоитъ Муршатъ, окруженный дивнымъ блескомъ; сѣдая борода его блестяла какъ ледъ, а глаза сверкали страннымъ огнемъ; онъ держалъ въ одной рукѣ Коранъ, другую простеръ ко мнѣ, и твердымъ, громкимъ голосомъ, который ясно отдѣлялся отъ подземнаго гула, произнесъ: *Именемъ Аллаха, подвизаю тебя на священную войну за правовѣріе и да будешь ты нареченъ Газы¹⁾-Муллою!* Я повергся къ его стопамъ и съ трепетомъ слушалъ страшное пророчество вдохновеннаго мудреца. Наконецъ онъ умолкъ и я поднялъ голову; передо мной стоялъ уже не вдохновенный прорицатель, но старецъ, изнемогающій отъ истомы душевной. Послѣ того онъ лежалъ цѣлый мѣсяцъ обезсиленный; между тѣмъ товарищъ мой по прежнему посѣщалъ насъ, снабжая скудными съѣстными припасами: онъ приносилъ намъ извѣстія, что русскіе отряды собираются, а горцы ополчаются. „Все предвѣщаетъ борьбу близкую, долгую, кровопролитную!“ говорилъ мудрецъ.

Послѣ одного такого посѣщенія товарища моего, когда мы остались одни, Магметъ-Мулла сказалъ мнѣ:—Ступай, Газы-Мулла, стань главою своихъ соотчичей, такова воля Аллаха! Проповѣдывай Его ученіе, прославляй Его, и оправдай имя Газы, данное тебѣ Его святымъ внушеніемъ. Будь справедливъ, твердъ, какъ левъ, проворенъ и лукавъ, какъ барсъ, и да рука Аллаха пребываетъ надъ тобою! Веди соотчичей на брань за правовѣріе; управляй ими по шаріату и тариату, и избери вѣрнаго слугу, котораго могъ бы присылать ко мнѣ, когда понадобится тебѣ мой совѣтъ; но самъ рѣдко посѣщай меня.—Нѣсколько дней спустя, къ намъ явился опять мой товарищъ, и я обвязавъ мѣхъ своей шапки бѣлою чалмой, вышелъ съ нимъ изъ пещеры, гдѣ столь долгое время скрывался. Намѣреніе пристать къ абрекамъ я совершенно покинулъ и сталъ ходить изъ одного селенія въ другое, проповѣдуя по джонгамъ въ мечетяхъ новое ученіе. Народъ любилъ меня слушать, а муллы не враждовали на меня, потому что я представлялъ имъ всѣ денежныя сборы, самъ довольствуясь однимъ пропитаніемъ. Между тѣмъ все готовилось къ борьбѣ съ гяурами: русскій отрядъ собирался; горцы также стекались,—вся надежда соотчичей лежала на Бикъ-Булатъ, Чеченцъ, давно уже прославившемся

¹⁾ *Газы*, ведущій священную войну, сражающійся за правовѣріе.

въ бояхъ: но онъ былъ изувѣченъ ранами, удрученъ годами и къ тому-жъ предавался пьянству: а что хуже всего, онъ жилъ съ нѣкотораго времени въ мирѣ съ Русскими, стало быть, лишился довѣренности единовѣрцевъ; сподвижникъ его, Аукъ-Мулла, искусный убѣждать народы къ возстанію, не имѣлъ дара управлять ими и предводительствовать ихъ на войнѣ. Я явился въ станъ; молва о моемъ проповѣдованіи быстро разнеслась по ополченіямъ; первую джонгу, послѣ молитвы, я сталъ проповѣдывать свое ученіе, и весь станъ стекся слушать меня. Съ этой поры началась истинная власть моя; удачное дѣло Атлубуюма покорило мнѣ весь народъ, рядъ военныхъ успѣховъ, болѣе или менѣе значительныхъ. пріобрѣлъ мнѣ довѣренность соотечей, а даръ предсказанія вселилъ въ нихъ благоговѣніе къ моей особѣ. Всѣ надѣли бѣлыя чалмы въ доказательство, что они едѣлались мюридами. Нуждаясь въ средоточіи для своего мюридства, я избралъ мѣсто Агачъ-Кала, окружилъ его высокими, крѣпкими, деревянными стѣнами и поселился тамъ съ избранными своими учениками. Тутъ мы были укрыты отъ нападеній враговъ, отъ покушеній подкупленныхъ убійцъ. Наши враги были гяуры, противъ которыхъ мы подвизались на брань. Дагестанскіе властелины, которыхъ мы избличали въ порокахъ и несправедливостяхъ, муллы, которые уличены были въ непростительномъ корыстолюбіи, и наконецъ муртаты, которыхъ мы преслѣдовали за вѣроотступничество. Я самъ дивился, какъ все предсказанное въ страшную ночь Магметъ-Муллою сбывалось, и помышлялъ объ исполненіи его приказанія. выбрать себѣ двухъ преемниковъ. Выборъ мой палъ на мюридовъ Гамзатъ-Искендера, уроженца хутохскаго и Шамиля: первый преисполненный честолюбія—ченка богатой и сильной семьи Аварскихъ Бековъ; онъ пріобрѣлъ большую славу и извѣстность въ горахъ своей храбростію, дикою предприимчивостію и наконецъ воинскимъ счастіемъ во время его набѣговъ на Кахетію. Другой, простой, бѣдный Гимріецъ, мой родной племянникъ: онъ замѣчательнъ своимъ умомъ, ученостію и лукавствомъ; на него я имѣю большія надежды; онъ наслѣдуетъ первому. Гамзатъ силою меча воцаритъ мое ученіе; но Шамиль, послѣ него, своимъ умомъ и витійствомъ убѣдитъ народы въ томъ, чему слѣдовали они дотолѣ изъ страха, и тогда Мюридство пуститъ уже настоящіе, надежные корни; глемя за глеменемъ будетъ присоединяться къ нему. и послѣднее предсказаніе Муршата сбудется. Хвала Аллаху! Премудрому, Всевѣдущему, Всесильному Аллаху! Я былъ могучъ, богатъ, счастливъ; смотря на это, я все помнилъ о дерзкомъ поступкѣ отца твоего и кипѣлъ местію, помнилъ тебя и желалъ. Все это вмѣстѣ подстрекнуло меня на смѣлое предпріятіе напасть на Кизляръ: я не отмстилъ отцу твоему, но получилъ тебя;

желалъ видѣть въ тебѣ правовѣрную, и Аллахъ просвѣтилъ тебя лучемъ свѣта. Великъ Аллахъ въ премудрости своей!“

Иманъ умолкъ. Послѣ короткаго молчанія, онъ продолжалъ: „теперь мое единственное желаніе умереть славно, съ оружіемъ въ рукахъ—смертію, достойною *Газы*. Я такъ полонъ счастья, что боюсь впасть опять въ бѣдствія; мое счастье не можетъ продолжаться долго: я первый властелинъ среди горцевъ; они теперь находятся подъ вліяніемъ новизны и моихъ успѣховъ; но при первой неудачѣ, они опомнятся и захотятъ стряхнуть иго, которое, съ помощью Аллаха, я на нихъ наложилъ,—и тогда всѣ труды мои обратятся въ прахъ. Не то ожидаетъ Гамзата: наслѣдуя мнѣ, онъ будетъ пользоваться моимъ опытомъ и избѣгать ошибокъ, которыя я дѣлалъ по невѣдѣнію, онъ станетъ главою народа не по прихоти обстоятельствъ, какъ я, но обдуманно и согласно съ моею волей, нѣкоторымъ образомъ уже священной для горцевъ. Шамилю будетъ еще легче,—тогда народы привыкнутъ уже къ нововведенію и къ власти Имановъ!“

Газы-Мулла опять замолкъ и погрузился въ глубокое размышленіе. „О, власть, святая власть!“ воскликнулъ онъ потомъ: „единое благо на землѣ! Ты даешь богатство, радости, уваженіе ближнихъ, счастье! Ты мнѣ дала и эту милую жену!“ Тутъ онъ прилегъ къ вѣроотступницѣ и сталъ ее ласкать; но она полусвоенравно, полу-нехотя оттолкнула его. „Ты меня желалъ, а не любилъ“—сказала она—„оставь, не трогай меня.“ Глаза Имана засверкали звѣрскимъ гнѣвомъ; ставъ на колѣни, онъ поднялъ надъ ней руку, вооруженную кинжаломъ. „Слушай!“—возопилъ онъ: „дочь собаки, гяура! не забывай, что сказано въ премудрой книгѣ *„жены ваши—ваше поле! Орите поле свое, когда и какъ хотите¹⁾“*. Руки армянки въ мигъ очутились кругомъ шеи Газы-Муллы: „джана, джана!“ произнесла она голосомъ нѣжнымъ и умоляющимъ... Въ эту минуту послышался ударъ въ потаенную дверь; вѣроотступница вздрогнула; Иманъ вкладывая спокойно кинжалъ въ ножны, спросилъ: кто тамъ! „Твой вѣрный Кара-Иса“, отвѣчали ему за дверью.

Когда Иманъ вышелъ: Армянка заслонила потаенную дверь сундукомъ, завернулася въ одѣяло и преспокойно заснула, не помышляя вовсе о лезвѣй кинжала, только-что сверкавшемъ надъ нею. Таковы всѣ женщины на Терекѣ и Кубани! Онѣ родились среди непрерывно

¹⁾ Коранъ, глава II, Корова. Стихъ 223.

грозящихъ имъ опасностей; первыя впечатлѣнія ихъ дѣтства—впечатлѣнія ужасныя, кровавыя: среди ихъ онѣ растутъ, свыкаются съ ними, и, потомъ возмужавъ, тогда только трепещутъ, когда опасность въ ихъ глазахъ; лишь она миновалась, онѣ и не думаютъ о ней. Впрочемъ не таковъ ли вообще женскій нравъ! Не готова ли большая часть женщинъ жертвовать всѣмъ изъ тщеславія; а Армянка не была ли женою славнаго Газы-Муллы! кровавое оружіе, которое грозило ей на ложѣ радости, было только возданіемъ за почетный титулъ жены Имана, которымъ она дорожила выше всего.

Возвратясь въ свой покой, Газы-Мулла прочелъ письмо, поданное ему Кара-Исою отъ Магметъ-Муллы, къ которому онъ былъ тайно посланъ. Старецъ извѣщалъ ученика о приготовленіяхъ Русскихъ къ экспедиціи и передавалъ ему подробно всѣ свѣдѣнія, полученныя имъ. Иманъ задумался, потомъ приказалъ Кара-Исѣ пробывать скрытно весь слѣдующій день, такъ, чтобы никто не могъ и подозрѣвать его присутствія; самъ же легъ въ постель и заснулъ.

Муэззинъ на минаретѣ сзывалъ правовѣрныхъ къ молитвѣ; народъ стекался со всѣхъ сторонъ въ нагольныхъ тулупахъ, накинутыхъ на плеча, и въ туфляхъ на высокихъ каблукахъ. Муллы важно шли въ мечеть въ длинныхъ кафтанахъ, съ длинными тростями въ рукахъ и мѣдными персидскими чернильницами, заткнутыми за поясъ. Явился и Гимрійскій кади съ нѣсколькими эфендіями; одинъ Иманъ не шелъ. Изъ мечети послали къ нему почетныхъ лицъ просить приказанія, не начинать ли службу безъ него? Посланные застали Газы-Муллу посреди пространныаго двора, приникшаго головою къ землѣ и молящагося: открытый коранъ лежалъ передъ нимъ, онъ изрѣдка въ него смотрѣлъ и потомъ опять предавался молитвѣ, возвращаясь къ прежнему положенію тѣла. Старѣйшины объявили, что Имана не возможно оторвать отъ молитвы и рассказали, какъ его застали; народъ превозносилъ его набожность: старшій эфенди началъ службу; по окончаніи ея, всѣ собрались на дворъ Имана; Газы-Мулла все продолжалъ молиться не внимая ничему, что происходило вокругъ него. Приверженцы его рассказывали между тѣмъ присутствующимъ, что это бываетъ съ Иманомъ каждый разъ, когда Аллахъ раскрываетъ передъ нимъ завѣсъ будущаго, говорили, что должно ожидать изъ устъ его пророчества. Народъ благоговѣлъ передъ властелиномъ своимъ и въ торжественномъ молчаніи ожидалъ. Наконецъ Газы-Мулла вздохнувъ тяжело приподнялъ голову и, стоя на колѣняхъ, лицомъ къ югу, съ зажмуренными глазами, началъ говорить тихо, протяжно и внятно слѣдую-

щее: „Я, Аллахъ Всевѣдующій и Всесильный, глаголю Газы-Муллѣ, Иману моему—молитва да крѣпитъ челоуѣка, возвѣсти это Правовѣрнымъ! Имъ нужна сила и крѣпость, гяуры стекаются отовсюду и готовятся на брань; даже Сардарь¹⁾ съ многочисленными ратами поднялся уже на снѣги горъ—это ополченіе враговъ идетъ на меня и избранныхъ моихъ, любимыхъ племень! Мужайтесь и вооружитесь, борьба сильная предстоитъ! Счастливы тотъ, кто погибнетъ въ страшной брани! Ему вѣчное ликованіе въ небѣ моего Пророка! Но не все останутся вѣрны мнѣ; многіе будутъ обольщены гяурами и покинутъ меня, и твое знамя, мой Избранный Иманъ! Да ляжетъ на нихъ проклятiе, твоя и преемниковъ твоихъ кара! Послѣ многихъ бѣдствій, ужасныхъ кровопролитій, они возвратятся къ тебѣ: истина бо лучше жи!“

Газы-Мулла умолкъ. Вся толпа съ благоговѣніемъ въ полголоса повторила: „Ла иль Алла. Мухметъ резуль Алла. Газы-Мулла Иманъ Гагазамъ!²⁾“

Иманъ послѣ того всталъ и обратясь къ народу сказалъ: „Правовѣрные! Вы слышали голосъ Аллаха! Враги собираются, они многочисленны и сильны; но мы сильнѣе, потому что Аллахъ съ нами. Вы знаете, что гласить вамъ пророкъ въ истинной книгѣ о помощи Всесильнаго своимъ воинамъ: горсть побѣждала многочисленныя рати невѣрныхъ, незримыя полчища небожителей были ихъ союзниками. Молитесь и надѣйтесь. Ступайте теперь въ свои деревни, вооружайте ихъ и будьте готовы идти, куда я васъ поведу. Помните, что проклятiе Аллаха, кара моя и моихъ преемниковъ ляжетъ на измѣнниковъ—такова воля Премудраго! Прежде чѣмъ разойтись, поклянитесь мнѣ и другъ другу не измѣнять, быть вѣрну святому дѣлу.“ Тутъ Иманъ громко закричалъ: „Шамиль! Знамя на крышу моего дома!“ И въ мигъ оно развѣвалось въ воздухъ на кровлѣ дома Газы-Муллы. Увидѣвъ этотъ призывъ къ брани, весь народъ закипѣлъ воинскимъ рвеніемъ и воздухъ огласился клятвами всѣхъ присутствующихъ.

Послѣ того всѣ разошлись и стали собираться, чтобы ѣхать каждый во свояси.

¹⁾ Такъ называютъ горцы командира отдѣльнаго Кавказскаго корпуса.

²⁾ *Иманъ Гагазамъ*, святой, великій, мудрый апостолъ.

IV.

No uselejs coffin emlosed his breast
 Not in sheet or in shroud we wound him,
 But he lay like a warrior taking his rest,
 With his martial cloak around him.

(On the death of Sir John Moore.)

Со всѣхъ концовъ Кавказа и Закавказья войска сходились въ Чечню; русскій отрядъ весело готовился къ бою въ этомъ роскошномъ краю. Горцы съ своей стороны сбѣгались къ извѣстному знамени Имана Газы-Муллы; но не долго оставались въ сборѣ: муршаты, наставивъ ихъ, какимъ образомъ вести отечественный коззаветъ (священную войну), распустилъ по домамъ. Онъ училъ ихъ, какъ пользоваться лѣсами, горами и сражаться въ одиночку; нападать преимущественно во время фуражировокъ и частныхъ поисковъ Русскихъ; но строго запретилъ толпами выходить на брань съ гяурами. предупредивъ, что, когда настанетъ тому пора, онъ извѣститъ всѣ племена.—и тогда, согласно предписанію Корана, всякій, могущій нести оружіе долженъ явиться къ назначенному сборному мѣсту. Самъ же Газы-Мулла съ горетію избранныхъ не возвратился въ Гимры; но, шатаясь вокругъ русскаго отряда, слѣдилъ за всѣми его дѣйствіями и предпріятіями, заводилъ при всякомъ удобномъ случаѣ перестрѣлки, или, усиливъ мгновенно свой отрядъ, являлся внезапно въ предѣлахъ линіи, грабилъ, рѣзалъ, истреблялъ все, попадающее ему, и еще скорѣе, чѣмъ пришелъ, возвращался къ себѣ, скрывая свои слѣды въ лѣсныхъ тущахъ отъ преслѣдованія линейныхъ казаковъ. Съ обѣихъ враждующихъ сторонъ, подвиги и предпріимчивости ознаменовали каждый день. Къ числу ихъ принадлежитъ славная смерть полковника Волженскаго, шестидесятилѣтняго почтеннаго старца, русскаго витязя на Кавказѣ. Съ горетію храбрыхъ казаковъ Гребенскаго полка, онъ ворвался въ Шавдонскую деревню Ичкиринскаго племени; вытѣсненный оттуда, онъ былъ опрокинутъ на пространное поле и тамъ окруженъ толпами горцевъ, предводительствуемыхъ самимъ начальникомъ кавалеріи Газы-Муллы—Костековскимъ, ханомъ Актоллойвомъ, бывшимъ поручикомъ храбраго 43-го егерскаго полка. Во время общаго волненія умовъ посреди Кавказцевъ, произведеннаго ученіемъ Газы-Муллы, Актоллойвъ покинулъ русскія знамена и присоединился къ мюридамъ. Волженскій, окруженный горцами, бралъ съ боя каждую пядь земли, по которой отступалъ; посреди неустрашимыхъ казаковъ своихъ, онъ хладнокровно распорядился однимъ линейнымъ казачьимъ орудіемъ, бывшимъ у него, и не

обращалъ вниманія на двѣ ружейныя раны, которыя только-что получилъ: одна пуля пробила ему насквозь спину и грудь, другая ударила на вылетъ въ обѣ щеки, этѣ раны не были даже перевязаны. Между тѣмъ ряды казаковъ ежеминутно рѣдѣли; у орудія оставалось только двѣ лошади; но гореть храбрыхъ не унывала. Вдругъ одна изъ этихъ двухъ лошадей падаетъ убитая; непріятель, увидѣвъ это, испускаетъ дикіе, радостные крики и бросается на казаковъ въ штыки; эти твердо его встрѣчаютъ. Волженскій не потерялся: онъ своеручно изрубаетъ трехъ горцевъ, подбѣжавшихъ къ нему одинъ за другимъ; три мюрида нападаютъ на него, однимъ ударомъ шашки раскраиваетъ правое плечо старика—и рука отваливается, шашка выпадаетъ. Полковникъ дѣлаетъ шагъ къ орудію, лѣвою рукою перекидываетъ чрезъ единорогъ висящую руку свою и обнимаетъ орудіе. Въ эту минуту его изрубаютъ до смерти: на немъ насчитали сорокъ четыре раны. Сподвижники его всѣ погибли; съча была ужасная; съ обѣихъ сторонъ утрата людей значительная, но ни раненаго, ни плѣннаго не было ни одинаго, какъ у Русскихъ, такъ и у горцевъ; трупы нашихъ оставались нѣсколько дней добычею волковъ и орловъ. Недалеко отъ этого поля, въ станицѣ Червленной оставался старикъ, денщикъ Волженскаго, который всюду сопутствовалъ господину своему въ продолженіе всей долгой и трудной боевой его жизни. Вѣсть о погибели полковника доходить до него, денщикъ со слезами отчаянія молитъ найти трупъ Волженскаго, но никто не беретъ его доставить; онъ самъ рѣшается идти за нимъ, но его не пускаютъ. Ужасная мысль приводитъ въ содраганіе всѣ чувства благочестиваго старика: полковникъ не будетъ отпѣтъ священникомъ, его тѣло не ляжетъ въ освященную землю, между тѣмъ зной Августа мѣсяца великъ, тѣло скоро истлѣетъ, такъ что его и не узнаешь; да вотъ и орлы летятъ уже къ роковому полю: ужели трупъ храбраго и достойнаго полковника достанется въ пищу хищнымъ птицамъ и звѣрямъ, которые, слюзя между собой, станутъ рвать эту благородную грудь и разбросаютъ кости? Нѣтъ, это не должно быть! Этого не будетъ! Денщикъ не допуститъ! И дряхлый старикъ пошелъ считать деньги, которыя онъ въ продолженіе тридцати лѣтъ грошами и копейками накоплялъ—это была вся его надежда на будущее существованіе, когда удрученнаго годами и трудами, его выпустятъ въ отставку на родину, гдѣ, бездомный, онъ найдетъ лишь могилы тѣхъ, которые могли бы и захотѣли его призрѣть. Онъ засыпалъ всякую ночь спокойно, зная, что у него есть, по крайней мѣрѣ, чѣмъ прокормиться съ годъ, не скитаясь по міру. Но теперь онъ пересчиталъ свои деньги; у него пятьдесятъ рублей серебромъ собственныхъ, да двѣсти рублей серебромъ Волженскаго; на послѣдніе онъ не

имѣть права, притомъ надо полковника похоронить и поминки ему справить. Денщикъ идетъ къ лавочнику-Армянину и проситъ его уговорить какого-нибудь мирнаго чеченца ѣхать за тѣломъ убитаго. Послѣ долгаго торга, одинъ молодой горецъ взялся за пятьдесятъ рублей серебромъ исполнить просьбу вѣрнаго слуги. Онъ отправился на мѣсто, гдѣ погибъ храбрый воинъ, смѣло выдержалъ нападеніе волковъ и чекалокъ, съ остервенѣніемъ оспаривавшихъ добычу, побѣдилъ ихъ съ помощію непріятельскаго разъѣзда, который стерегъ, не поѣдетъ ли гяуръ за какимъ-нибудь валявшимся тѣломъ, и къ свѣту привезъ изрубленный, изгрызенный трупъ Волженскаго благородному, чувствительному денщику. Этотъ, полный благодарности, обнимаетъ Чеченца и выдаетъ ему тотчасъ деньги; потомъ бросается, обнимаетъ тѣло храбраго полковника, приговаривая: „Ну, Ваше Высокоблагородіе, Иванъ Дмитріевичъ, слава Богу, васъ теперь отпоютъ и положатъ съ честію въ святую землю, похоронятъ съ народомъ и со всѣмъ причтомъ; мнѣ же не нажить другого такого отца!“ У Волженскаго не было другой родни на свѣтѣ, кромѣ старухи-сестры, которая жила гдѣ-то въ Курской губерніи помощію, получаемую отъ брата. Дошли ли до нея всѣ эти подробности? Едва ли... А если-бъ и дошли, то, вѣрно, теперь никто уже объ этомъ не помнитъ, или вовсе не знаетъ. И вотъ, человѣкъ, вся твоя слава, за которою ты гоняешься всю жизнь, для которой всѣмъ жертвуешь!... Ты сталъ холоднымъ трупомъ—и всѣ тебя забыли!—Счастливъ еще тотъ, кто умѣлъ заслужить любовь вѣрнаго слуги, который изъ привязанности пожертвуетъ всѣмъ достояніемъ своимъ, чтобы отдать тебѣ послѣдній долгъ!...

Да! въ подобныхъ простыхъ быляхъ гораздо болѣе поучительнаго для мыслящаго существа, чѣмъ въ вѣковыхъ скрижаляхъ или въ цѣлыхъ томахъ нравоучительныхъ преній, въ которыхъ всякій силится лишь блеснуть умомъ и витійствомъ. И что случилось со всѣми гордецами, проповѣдывавшими добродѣтели, которыя сами не всегда исполняли? Иныхъ и слѣдъ простылъ, а другихъ, какой-нибудь автоматъ—наборщикъ книгопечатанія, перепечатывая каталогъ гордой библиотеки, лишь набираетъ имена, вовсе не помышляя о людяхъ, ихъ носившихъ! Удивительно ли это? Но можно ли роптать на такую участь, когда даже всѣ бывшіе вѣнценосные вѣтязи, благодѣтели своихъ народовъ или ихъ бичи, ихъ Набуходоносоры, когда Александръ Невскій, Дмитрій Донской, Скопинъ Шуйскій, Батый, Мамай, ничто иное, какъ имена, которыя каждый образованный человѣкъ произноситъ разъ въ жизни, когда въ дѣтствѣ за школьнымъ столомъ, проходитъ Отечественную Исторію; между тѣмъ, какъ большая часть народа и не по-

дозрѣваетъ, что существовали когда-нибудь эти люди? Многіе ли изъ толпящихся въ Кремлѣ нашей Бѣлокаменной помышляютъ о томъ, что многія изъ этихъ зданій воздвигнуты Годуновымъ во время страшнаго голода, чтобы доставлять пропитаніе народу, не отучивая его приобрѣтать хлѣбъ трудами? Кто, свѣсивъ все дѣянія Годунова, сдѣлаетъ ему приговоръ въ своемъ мнѣніи? Вѣрно, никто. Что все прошлое на землѣ? Гордость и суета! Нравственное, духовное—вотъ одно истинное, существенное, приносящее плоды въ лучшемъ мірѣ, куда мы все идемъ равно, гдѣ правосудіе и возмездіе по дѣяніямъ ожидаетъ насъ!...

Но не о томъ думалъ русскій отрядъ въ Чечнѣ: привычка и ежедневное упражненіе въ бояхъ научили его не знать опасностей; дни текли въ трудахъ и подвигахъ, въ воинственныхъ разсказахъ, какъ горсть изувѣровъ, рѣшась не даваться гяурамъ, заперлась въ мечеть и отчаянно защищалась; потомъ съ засученными рукавами, съ обнаженной пашкою въ одной рукѣ и голымъ кинжаломъ въ другой, какъ они кидались посреди осаждающихъ батальоновъ, напѣвая стихи изъ корана и погибая мужественно, безъ стона, безъ вопля, на русскихъ штыкахъ, рубя встрѣчнаго и поперечнаго: подобныя-то повѣствованія занимали лагерь. Вечеромъ заревая ракета вздымалась высоко въ небо и въ то мгновеніе, когда она лопалась въ воздухѣ, раздавался выстрѣлъ заревой пушки, эхо перекатывалось еще въ горахъ, когда по всему обширному лагерю начинали бить вечернюю зарю. Печальные унылые звуки, особенно въ военномъ ставѣ! Они будто оплакиваютъ погибшихъ въ этотъ день, а въ живыхъ рождаютъ мысль: „я живъ еще; но, быть можетъ, послѣднюю зарю слышу я!“ Заря пробита и весь лагерь прославляетъ единого Бога на разныхъ языкахъ, многоразличными обрядами. И солдаты Русскаго Царя, набранные изъ всѣхъ областей исполинскаго государства, изъ Кавказскихъ и Закавказскихъ милицій, изъ чужестранцевъ, христіане, и мусульмане—все вмѣстѣ молятся на столькихъ же языкахъ, сколько тутъ различныхъ племенъ. Но все ли они искренни, все ли дружны между собой? О, нѣтъ, далеко нѣтъ! Сколько тутъ противорѣчій въ—страстяхъ, убѣжденіяхъ, видахъ и расчетахъ! Посреди этой массы бушуетъ вражда кровная, вражда наслѣдственная, вражда религіозная! Вчера, быть можетъ, они рѣзались: нельзя поручиться, что и завтра не пойдутъ другъ на друга! Странно, подумать, сколько сѣмянъ раздора посеяно въ родѣ человѣческомъ! И все это развиваетъ столь сильныя вражды, вражды непримиримыя! Странно, подумаешь, какъ человѣческій умъ напрягается, чтобы изобрѣсть средства истреблять себя подобныхъ! Какъ

будто бы мы не созданы безъ того для смерти и забвенія; какъ будто челоуѣку нѣтъ мѣста истлѣть тамъ, гдѣ онъ родился. Зачѣмъ искать другой смерти, чѣмъ той, которую опредѣлила сама природа, и могилу далеко отъ родины!...

Но теперь, среди стана, всѣ частныя ненависти молчатъ передъ властію Сардаря, передъ надеждой на чины, награды и добычу въ грабежѣ; всѣ ложатся спать, многіе въ послѣдній разъ! Лишь цѣпные часовые перекликаются между собой, да чекалки вдали имъ вторять, и сова, испуганная подкрадывающимся врагомъ или украдкою уходящимъ дезертиромъ, слетаетъ шумно съ вѣтви и разглашаетъ по воздуху зловѣщій крикъ свой. Часа два уже весь лагерь покоится сномъ; одинъ Сардаръ сидитъ въ своей палаткѣ передъ столомъ, на которомъ раскинута карта, освѣщенная множествомъ свѣчъ; нѣсколько офицеровъ разныхъ чиновъ стоятъ передъ нимъ, въ числѣ ихъ находится избранный на эту ночь: онъ начальникъ отряда, посылаемаго въ набѣгъ. Сардаръ отдавъ приказаніе—и всѣ выходятъ. По лагерю разсыпались ординарцы и адъютанты: они передаютъ шопотомъ приказаніе. Наряженные батальоны становятся въ ружье, къ нимъ присоединяется артиллерія со спрятанными фитилями, съ подвернутыми цѣпами, и весь отрядъ, молча, выступаетъ; идетъ онъ такъ тихо, что даже птицы лѣсовъ, около которыхъ проходитъ, не пробуждаются; лишь собаки въ окрестныхъ аулахъ, чуя въ воздухъ движеніе враговъ, протяжнымъ воемъ прерываютъ глубокую тишину природы.

Передъ разсвѣтомъ, отрядъ ложится въ скрытомъ мѣстѣ, недоходя до аула назначеннаго на истребленіе: идти далѣе ночной темнотою опасно; ну, какъ проводники измѣнили—вѣдь они иноземцы! Да и непріятель могъ открыть движеніе колонны и притаиться: дожидаться свѣта всего вѣрнѣе, по крайней мѣрѣ, не попадешь въ засаду! Солдаты лежатъ съ ружьями своими, двадцатипятилѣтними неразлучными спутниками въ рукахъ и слушаютъ, сквозь дремоту, какъ поютъ цѣтухи въ аулѣ; многіе готовятъ свои желудки на одну лакомую добычу, которая должна будетъ доставить имъ на слѣдующій день вкусную пищу. Между тѣмъ кое-когда слышался лай собакъ и воины про себя занимались разгадываніемъ причинъ лая псовъ; воображеніе рисовало имъ: то вора, крадущагося по улицамъ деревни, то героя любовнаго приключенія, возвращающагося домой съ истомою наслажденія, или тщетнаго ожиданія. Наконецъ и заря стала заниматься. Шопотъ пронесся по рядамъ войскъ: „становись.“ Опытный солдатъ, вставая, смотритъ на полку своего ружья, не высыпался ли порохъ, и вытираетъ ее отъ ночной

росы. Вотъ колонна рушилась: войско идетъ полудремля; иному снятся разныя сновидѣнія,—но вдругъ раздался ружейный выстрѣлъ—и все пробудилось. Непріятельскій караулъ далъ знать о приближеніи опасности; неугомонный лай псовъ доказываетъ суету на улицахъ близъ лежащаго аула. Вотъ и лихіе, безстрашные линейные казаки понеслись обскакать деревню; артиллерія построилась противу нея и очищаетъ непріятельскіе завалы. Едва умолкла она, какъ батальонъ бѣжитъ уже на приступъ съ ружьемъ на перевѣсъ и съ дикими криками „ура!“ Между тѣмъ казаки доскакали; поднялась стрѣльба; враги встрѣтились; съ обѣихъ сторонъ валяются убитые и раненые, но Чеченцевъ болѣе, чѣмъ Русскихъ; они бѣгутъ, ихъ преслѣдуютъ. Казаки въ изступленіи не чувствуютъ себя, кровь ихъ кипитъ, лица побагровѣли—это сдѣлались не люди, а лютые звѣри, имъ нужна кровь, необходимы трупы! Линейцы рубятъ все что имъ попадется, всѣхъ кого могутъ догнать: здѣсь упалъ маститый старецъ, „смерть ему! онъ разжигалъ мятежь въ сердцахъ юношей!“ Тутъ лежитъ женщина съ груднымъ ребенкомъ: „смерть обѣимъ! одна вскармливала врага, другой со временемъ сражался бы.“ Тамъ простертъ изрубленный юноша: „смерть ему! однимъ врагомъ на свѣтъ меньше.“ Далѣе валяется прелестная дѣва: „смерть ей! она была бы матерью нѣсколькихъ враговъ.“ Но вотъ казакъ въ кровавомъ влеченіи своемъ пріостановился надъ нею: ея богатый уборъ прельстилъ его: онъ обдираетъ прекрасный этотъ трупъ. Въ аулѣ вторятъ битвѣ поля; но тамъ дерутся одни воины, здѣсь защищается все—мужчины, женщины и дѣти: всякой штыкъ колетъ, всякій прикладъ ломитъ: на улицахъ валяются трупы разныхъ половъ и возрастовъ, разбитые сундуки и разныя пожитки. Когда не стало враговъ, не въ кого стрѣлять, тогда солдаты принялись истреблять съ тѣмъ же остервененіемъ домашнюю птицу на сучьяхъ садовыхъ деревъ.

Бой прекратился. Батальоны становятся на привалъ и варятъ въ котлахъ добычу. Окончивъ трапезу и отдохнувъ, бьется подъемъ: деревня зажигается, а колонна уходитъ назадъ, гоня передъ собою плѣнныхъ и баранту, забравъ своихъ раненыхъ и убитыхъ. Возвратясь уже поздно къ главному отряду, это войско располагается на ночной отдыхъ, а другое наряжается на подобный поискъ, если не предназначено движенія цѣлымъ отрядомъ.

На слѣдующее утро стоялъ парадъ. Изъ церковной ставки вынесли трупы убитыхъ наканунѣ и умершихъ отъ ранъ, зашитые въ боевыхъ плащахъ. Духовенство въ полномъ облаченіи пошло впередъ, поючи погребальныя молитвы; позади военная музыка уныло играла

похоронный маршъ; за нею весь парадъ слѣдовалъ безмолвно съ опрокинутыми ружьями. Раздались залпы, и храбрые легли въ землю: послѣднія почести отданы христіанину и воину. Музыка возвратилась назадъ и воздухъ наполнялся веселыми ея звуками. Никто въ лагерѣ не помнилъ болѣе о похороненныхъ, и къ чему бѣ послужило это воспоминаніе? Умъ человѣческій, никакія познанія, никакое имущество не въ силахъ ихъ воскресить! Они совершили земное поприще, каждый по своимъ склонностямъ, убѣжденіямъ, страстямъ; слѣдственно они должны были покориться и послѣдному назначенію природы, служить пищею могильному червю, утучнить землю, въ которую легли.

Грустно, даже отвратительно помышлять о тлѣніи посреди нѣги и роскоши, избрѣтенныхъ богатствомъ; но на Кавказѣ истинный воинъ видитъ въ смерти давно желанный отдыхъ отъ трудовъ и лишеній, непонятныхъ баловнямъ природы. Онъ не заботится о томъ, что станетъ съ его трупомъ; опытъ говоритъ ему, что рѣдкій возвращается изъ этого воинственнаго, кроваваго края, слѣдственно, ему все равно умереть сегодня или послѣзавтра. Когда же поразмыслить, то еще предпочитаетъ погибнуть сегодня, чтобы избѣгнуть завтрашнихъ трудовъ; поэтому, покорный долгу чести, если умѣютъ ему внушить это возвышенное чувство, онъ пренебрегаетъ опасностями и творитъ геройскіе подвиги безъ всякаго тщеславія. Чеченцу, въ свою очередь, досталась въ удѣлъ жизнь суровая, безъ радостей, полная нужды и лишеній, горестей, трудовъ и опасностей; вѣра въ предопредѣленіе непоколебима въ немъ; наконецъ, если погибнетъ онъ въ бою противъ гяуровъ, его ожидаетъ почеть, которой онъ цѣлою жизнью домогается: на его могилѣ поставится высокій шестъ съ развѣвающимся флюгеромъ—это служить ему наградою за земныя доблести и передаетъ въ потомство его геройскіе подвиги, свидѣтельствуешь о немъ, какъ о вѣрномъ, ревностномъ мусульманинѣ—единственныхъ гражданскія добродѣтели, существующія посреди этихъ племянъ! Чтобы удостоиться такого надгробнаго памятника, который долженъ передавать его имя изъ рода въ родъ, онъ совершаетъ при жизни изумительные примѣры мужества—вотъ тайна, изъ которой проистекаетъ неимовѣрная храбрость кавказскихъ природныхъ жителей.

Каждаго животного водятъ какою либо приманкой: волка—падалью, чеченца—надгробнымъ памятникомъ и такъ далѣе!!..

